

Структурные кризисы против ситуаций (политических) кризисов: бурдьевистский подход¹

ЖИЗЕЛЬ САПИРО

Высшая школа социальных наук, Париж, Франция

<https://orcid.org/0000-0003-2791-186x>

Рекомендация для цитирования:
Сапиро Ж. (2025) Структурные кризисы против ситуаций (политических) кризисов: бурдьевистский подход. *Социология власти*, 37 (2): 214-239. EDN: XDQQRY

For citation:
Sapiro G. (2025) Structural Crises vs. Situations of (Political) Crisis: A Bourdieuan Approach. *Sociology of Power*, 37 (2): 214-239.

Поступила в редакцию: 15.01.2025;
принята в печать: 02.02.2025
Received: 15.01.2025; Accepted: 02.02.2025

© Sapiro G., 2025

Резюме²: Теория Бурдьё предлагает несколько понятий, которые могут быть использованы для анализа кризисов. В первой части этой статьи я описываю то, что Бурдьё называет «кризисами воспроизводства»: они разворачиваются на долго- или среднесрочных промежутках времени, но могут спровоцировать эндогенный политический кризис, как в случае событий мая 1968 года. Во второй части статьи я комбинирую теорию Бурдьё о государственной монополии на символическое насилие с понятиями «политизации» и «фазовой гармонизации», использованными им в анализе «критического момента» мая 1968 года, и применяю их для описания разных форм политических кризисов, вызванных экзогенными факторами — государственными переворотами, военной оккупацией или колониализмом, чтобы прояснить,

1 Перевод с английского Степана Козлова по изданию Gisèle Sapiro (2022) Structural crises vs. situations of (political) crisis. *Rassegna italiana di Sociologia*, LXIII (2), pp. 299-321. DOI: 10.1423/104930.halshs-03929328

Публикуется с любезного разрешения автора. — *Прим. пер.*

2 Я хотела бы поблагодарить Жерома Бурдьё, Алихана Месци и анонимных рецензентов за их полезные комментарии к этой статье, а также выразить свою благодарность Марине Уркуиди и Эллиоту Вейнингеру за стилистические правки. Эта статья была презентована мной на конференции “Pierre Bourdieu and history” в Оксфорде 22 апреля 2022 года.

как они могут влиять на индивидов, группы и поля. На примере поля французской литературы во время немецкой оккупации Франции я демонстрирую, как благодаря процессу политизации происходит фазовая гармонизация социального поля с полем политики. Различные типы описанных мной кризисов объединяет борьба за монополию на символическое насилие. Чтобы изучить такие символические столкновения, интенсифицирующиеся в ситуациях кризиса, в заключении статьи я предлагаю понятие *аксиологических операторов*.

Ключевые слова: кризис, теория полей, поле политики, политизация, символическое насилие

Structural Crises vs. Situations of (Political) Crisis: A Bourdieuan Approach

Gisèle Sapiro

École des Hautes Études en Sciences Sociales, Paris, France
<https://orcid.org/0000-0003-2791-186x>

Abstract: Bourdieu's theory offers several concepts to analyze crises. In the first part of this article I study what Bourdieu calls « reproduction crises », which unfold on a long- or medium-term basis, but can provoke an endogenous political crisis, like that of May 68. In the second part, Bourdieu's theory of the state as monopolizing symbolic violence and the notions of « politicization » and « phase harmonization » he uses in his analysis of the May 68 « critical moment » are combined and applied to other types of political crisis, resulting from exogenous factors such as coup, war, military occupation, or colonialism, in order to understand how they affect individuals, groups and fields. The case of the French literary field during the German occupation serves as an example of the phase harmonization of a social field with the political field, through its politicization. Common to all these types of crises, beyond their differences, is the occurrence of ideological struggles around the monopoly of symbolic violence. In the conclusion, the concept of axiological operators is proposed to study those symbolic struggles that intensify in conjunctures of crisis.

215

Keywords: crisis, field theory, political field, politicization, symbolic violence

Понятие кризиса попало из медицины в общественный дискурс в XVII веке, но контроль за его использованием отсутствовал. В XIX веке оно распространилось на экономические теории, описывающие циклическую темпоральность (Rosier, 2003), а затем, на рубеже XX века, было перенесено в политическую, культурную и социальную сферы.

Этот трансфер изначально медицинского понятия сопровождался введением функционалистских и даже органицистских моделей, которые были плохо адаптированы для размышлений об обществе.

Сейчас понятие кризиса используется для описания самых разных явлений: революций, социальных движений (таких как события мая 1968 года), а также войн и насильственных смен режимов под воздействием таких внешних сил, как иностранная оккупация или государственный переворот. Конечно, с помощью этого понятия описываются и различные типы экономических кризисов: от «экзогенных причин» неоклассической экономической теории и марксистской концепции «кризисов перепроизводства» до «кризисов циклического роста». Понятие кризиса также применяется к конкретным областям жизни общества — таким как издательское дело или культура. Некоторые кризисы определяются как локальные, в то время как другие — как национальные, международные или глобальные. Общим для кризисов является то, что они бросают вызов существующему порядку и нарушают или даже разрушают устоявшиеся регулярности, тем самым препятствуя предсказанию будущего на основе прошлого.

Подход Бурдьё к кризисам обычно обсуждается на основе его анализа событий мая 68-го года в *Noto Academicus* и используется для изучения похожих случаев общественной мобилизации (Dobry, 1987; Gilcher-Holtey, 2008, 2021). Однако эта теория и ее понятия могут помочь нам с анализом других случаев социальных и политических кризисов, на которых я сосредоточусь здесь (оставив в стороне экономические и культурные кризисы). Сначала я обращусь к бурдьевистскому понятию структурной трансформации, за которой следуют кризисы воспроизводства. Затем я рассмотрю такие последствия насильственных политических кризисов (*brutal political crises*), как государственные перевороты, войны и иностранная оккупация, которые отличаются от эндогенных трансформаций *longue durée* (больших длительностей¹). Хотя Бурдьё не анализировал такие кризисы — за исключением Алжира — я попытаюсь показать, что его теория символического насилия, а именно его определение государства как держателя монополии на символическое насилие, и набор понятий, который он разработал в своем исследовании мая 68-го года — *политизация, фазовая синхронизация*, — в сочетании с его теорией поля предоставляют эвристические инструменты и объяснительные рамки для их понимания.

1 *longue durée* (фр. «большая длительность») — понятие, введенное Ф. Броделем в рамках его исторического проекта, обозначающее историческое время, измеряемое столетиями и характеризующееся устойчивыми структурами (географическими, социальными, экономическими), в противовес краткосрочным событиям. Разработана в 1940–1950-х гг. как методологический ответ на традиционную событийную историографию, акцентируя внимание историка на анализе медленных трансформаций и социально-экономических циклов. — Прим. пер.

В своих лекциях о государстве Бурдьё добавляет к веберовскому определению государства как монополиста на физическое насилие также и монополию на насилие символическое, отмечая, что этого критерия достаточно для определения государства, так как символическое насилие легитимирует физическое (Bourdieu, 2012). Символическое насилие — это одна из форм «мягкого» насилия, в основе которой лежит согласие угнетенных групп, интериоризовавших принципы, согласно которым осуществляется угнетение, через образование и/или главенствующую идеологию. Государство производит таксономии и иерархии, а те интериоризируются индивидами, которыми оно управляет (включая тех, кто против него восстает). Можно дать такое определение политического кризиса: ситуация борьбы за монополию на символическое и физическое насилие.

В дифференцированных обществах поля имеют относительно автономный порядок, специфические логики функционирования и собственную темпоральность. По Бурдьё, кризисы (особенно политические) влекут за собой политизацию общества, что приводит к эффекту синхронизации до того автономных полей из-за их структурной гомологии. В свою очередь, это ведет к гармонизации их повесток дня («phase harmonization» в английском переводе *Homo Academicus*¹), пусть этот процесс и сопровождается специфическим преломлением их содержания в каждом отдельном поле.

217

Политизация является результатом неопределенности, порожденной кризисом, но процесс политизации, в свою очередь, порождает неопределенность. Эта неопределенность обусловлена переворотом «структуры объективных шансов», которая в обычных обстоятельствах позволяет индивидам предсказывать будущее и разрабатывать стратегии адаптации к кризису. Бурдьё называет такие конъюнктуры² «критическими моментами»: они прерывают

1 Термин «phase harmonization» не используется ни в английском переводе *Homo Academicus* 1988 года, ни во французском оригинале, где вместо этого используется конструкция «comme mise en phase de différents champs» (Bourdieu, 1984, p. 212). В русском переводе *Homo Academicus* используется следующая формулировка: «...каков специфический результат этой синхронизации различных полей, наделяющий историческое событие статусом эпохального и определяющий ситуацию общего кризиса как совпадение фаз различных полей?» *Homo Academicus* (Бурдьё П. *Homo academicus* / пер. с фр. С. М. Гавриленко, О. М. Журавлева, Д. Ж. Кондова, Е. В. Кочетыговой, О. О. Николаевой, Н. В. Савельевой; под науч. ред. Е. В. Кочетыговой и Н. В. Савельевой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018, С. 310). — Прим. пер.

2 Здесь и далее термин *conjuncture* в тексте Сапиро переводится как «конъюнктура» с учетом его значения как совокупности сложившихся условий. В цитируемых Сапиро фрагментах из Пьера Бурдьё вслед за русским переводом *Homo Academicus* (Бурдьё П. *Homo academicus*...) сохранен вариант

обычный опыт времени и на первый взгляд приостанавливают привычные агентам процессы воспроизводства, одновременно открывая новые возможности (Bourdieu, 1984).

Политолог Жак Лагрюа определил политизацию как «переквалификацию» различных видов социальной активности в политическую, проводимую индивидами, не являющимися профессиональными политиками. В то время как процесс автономизации политического поля стремится исключить непрофессионалов из политики (Bourdieu, 2000a), кризисные конъюнктуры способствуют интенсификации борьбы за само определение политики и границ политического поля, одновременно политизируя другие социальные поля. Ниже я продемонстрирую влияние такого эффекта политизации на социальные поля с помощью примера французского литературного поля времен немецкой оккупации и предложу подходящую аналитическую рамку. Этот пример можно рассматривать как идеально-типический случай политизации относительно автономных полей.

Как показал Бурдьё на примере мая 68-го года, кризисы воспроизводства могут привести к политическому кризису — социальному (революционному) движению или государственному перевороту. В свою очередь, социальные трансформации, вызванные внезапными кризисами — войной, оккупацией и колониализмом — и спровоцированные экзогенными причинами (военное вмешательство, политическое влияние), также происходят в соответствии с определенными логиками, которые более или менее предсказуемы в свете существовавших ранее социальной структуры и отношений власти внутри затронутого общества (или конкретных социальных полей). Граница между экзогенными и эндогенными факторами, конечно, нестабильна и связана с эффектами взаимозависимости (Zolberg, 1985). Тем не менее насильственные кризисы, в которых присутствует физическое насилие, все еще отличаются от кризисов *longue durée* из-за эффекта синхронизации и политизации. В случае колониализма, расположенного между этими двумя типами, кризис воспроизводства возвращается колонизатором. Общим для всех этих типов кризисов, несмотря на их различия, является возникновение идеологической борьбы. В заключении к этой статье я предлагаю понятие аксиологических операторов: оно позволяет описать символические столкновения, которые усиливаются в ситуациях кризиса.

«стечение обстоятельств», где раскрывается исходная амбивалентность французских терминов *conjoncture* (стечение обстоятельств) и *conjonction* (объединение), которые используются Бурдьё для описания кризисов: «Кризис как стечение обстоятельств (*conjoncture*), т.е. как соединение (*conjonction*) независимых каузальных серий...» (Там же. С. 334). — Прим. пер.

Кризисы воспроизводства

Структурный подход Бурдьё и его исследования механизмов воспроизводства заставили его предпочесть термин «трансформация» понятию «изменения» при описании эволюции отдельных обществ. Этот подход отходит от событийной истории, с одной стороны, и от эволюционных нарративов — с другой (примерами которых является гегелевская философия истории и теории модернизации в социальных науках). Понятие трансформации подразумевает, что изменения происходят в рамках существующей структуры благодаря «процессам», которые разворачиваются в краткосрочной или долгосрочной перспективе. Примерами таких «процессов» могут быть разделение труда, описанное Дюркгеймом, процесс рационализации Макса Вебера (связанный с возникновением капитализма) или цивилизационный процесс Норберта Элиаса. Структурный подход Бурдьё, учитывающий инварианты и вариации (институциональные и категорийные) длительности и расколы, а также метаморфозы систем дифференциальных разрывов (неравное распределение видов капитала), лежит в основе его исторического взгляда на изменения.

Конатус Спинозы (тенденция к сохранению самого себя) не свойственен ни социальным, ни механическим структурам. Длительность не является результатом одной только структурной инерции институтов — «идеального самовоспроизводства» (Bourdieu, Passeron, 1971) — она обеспечивается реализацией стратегий воспроизводства социальными агентами, особенно теми, кто занимает доминирующие позиции в этих структурах и стремится увековечить свое доминирование, или реализацией стратегий активного сопротивления, используемыми, когда институты находятся под угрозой (Bourdieu, 2000a, p. 140, 144).

219

Разрыв предустановленной гармонии

В докапиталистических обществах, где механизмы воспроизводства не так институционализированы, как в капиталистических, и где виды капитала четко не дифференцированы, воспроизводство требует постоянных инвестиций семей в матримониальные, наследственные и образовательные стратегии, делающие возможным сохранение социальной структуры. Механизмы воспроизводства и связанные с ними стратегии находятся в центре постоянной, ожесточенной конкуренции и борьбы между группами или индивидами (включая конкуренцию внутри домашних групп).

Когда социальные структуры подвергаются значительным трансформациям, агентам требуется делать корректировки и иногда даже

осуществлять реконверсию¹ («gesconversion» по-французски), которую не все из них готовы предпринять (готовность к использованию таких стратегий зависит от гибкости габитуса и его способности к адаптации). Главное в таких кризисах — разрыв «предустановленной гармонии» между инкорпорированными структурами (габитусом) и существующими объективными структурами, которые являются условием воспроизводства. Примером такого процесса может служить инерция габитуса кабийских и беарнских крестьян по отношению к капитализму, особенно в конфликте между их традиционным циклическим восприятием времени и современной линейной темпоральностью, или в их привязанности к таким обесцененным ресурсам, как земля (Bourdieu, 1971). Гистерезис их габитуса вызывает кризис воспроизводства, в том числе в буквальном биологическом смысле, как показал Бурдьё в своем исследовании холостяков в провинции Беарн во Франции (Bourdieu, 2002).

Трансформация стратегий воспроизводства

220

Капитализм не является единственным фактором кризисов воспроизводства. Возникновение современного государства было связано с концентрацией и перераспределением различных видов капитала, что привело к «трансформации стратегий воспроизводства» (Bourdieu, 1994). Переход от династического государства к бюрократическому, который Бурдьё в деталях проанализировал в своих лекциях о государстве, включал в себя «процесс дефеодализации» и «денатурализацию» через разрушение естественных связей и семейных лояльностей. В свою очередь, это влекло за собой борьбу между двумя категориями агентов: с одной стороны, короля и его домочадцев, с другой — государственных служащих короля (Bourdieu, 2012). Эта трансформация привела к появлению «власти наследуемой и передаваемой по праву крови, т. е. основанной на естественных факторах (в виде дворянского титула), и власти достигнутой и пожизненной, основанной на “даре” и заслугах и гарантированной законом (в виде диплома)»² (Bourdieu, 1994). Эта

1 В современном французском языке наиболее частое употребление слова *reconversion* — *reconversion professionnelle*, что означает смену профессии, часто кардинальную, требующую серьезного переобучения и адаптации. Однако слово несет в себе более общую идею целенаправленной и стратегической смены функции или назначения. Оно может применяться к промышленным объектам (*reconversion industrielle* — перепрофилирование завода), военным базам или целым территориям. — Прим. пер.

2 Цит. по: Бурдьё П. (2005) Стратегии воспроизводства и способы господства (пер. с фр. Ю. В. Марковой). *Социология социального пространства*, под общ. ред.

трансформация заставила доминирующих агентов разрабатывать стратегии реконверсии, чтобы адаптироваться к новому режиму воспроизводства. Конкретным примером такого процесса может служить реконверсия земельной аристократии в государственную бюрократию в XIX веке в Германии.

Современное государство, однако, не является просто надстройкой производственных отношений, описанной теоретиками марксизма. Его трансформации вызваны борьбой между группами и фракциями. Юристы поддержали появление государства, узаконив его двойную монополизацию (в терминах Элиаса) налогов и инструментов принуждения (словами Чарльза Тилли). Схожим образом действия филантропов в период индустриализации в значительной степени поддержали переход от частной к общественной ответственности, процесс, который — в духе круговой, а не диалектической причинности — связан с развитием страхования, в том числе универсального государственного медицинского страхования и других институтов государства благосостояния (Bourdieu, 2012, p. 577).

С описанной выше трансформацией тесно связана смена прямого режима воспроизводства (контролируемого семьями, которые назначают своих наследников) на «опосредованный школами режим воспроизводства», в котором образовательные аттестаты, выдаваемые *grandes écoles* (французскими элитными школами), стали эквивалентом дворянского титула, так как они предоставляли право на доступ к одному из государственных органов («*corps*»), при этом маскируя механизмы воспроизводства, функционирующие в логике заслуг (Bourdieu, 1989, p. 406). Эта трансформация, требующая от семей разработки образовательных стратегий, вызвала социальное напряжение и противоречия в процессе воспроизводства, поскольку семьям пришлось жертвовать некоторыми наследниками — «неудачниками» («*ratés*»), которые затем были вынуждены переориентировать свои карьерные пути на «профессии-убежища» или на сферы, которые еще не были бюрократизированы, — в отличие от «дебютантов»¹, которым школа предоставила возможность социального восхождения (Ibid., p. 409–410). В то же время некоторые трансформации — такие как демократизация доступа к среднему и высшему образованию — обычно

221

Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии. С. 113. — Прим. пер.

- 1 *Débutants* — термин Бурдьё, обозначающий «новичков» в элитной образовательной системе Франции (*grandes écoles*), то есть студентов, которые впервые оказываются в замкнутом социальном и культурном пространстве высшего образования без наследственного культурного капитала и социальных связей, характерных для представителей элиты. — Прим. пер.

приводят к структурной транспозиции неравенств в системе (например, через создание оппозиции общих и профессиональных, с одной стороны, и технических колледжей — с другой), которые сохраняются в новых формах, становясь более явными в кризисных конъюнктурах перепроизводства дипломов при недостаточном количестве доступных позиций. Это противоречие, порождающее разрыв между субъективными ожиданиями и объективными шансами, вероятно, может вызвать кризис воспроизводства, который приведет если не к революциям, то по крайней мере к «критическим событиям», таким как май 1968 года.

Борьба внутри и между полям

В *Noto Academicus* Бурдьё определяет кризис как конъюнктуру, возникающую, возникающее из встречи независимых причинных рядов, столкновение которых порождает «событие». Эти независимые ряды — специфические логики различных полей, в которых борьба за сохранение или трансформацию отношений власти реализуется относительно автономно от социального пространства в целом. Трансформация этих отношений власти на среднесрочном масштабе встроена в процессы *longue durée*: например, в случаях дифференциации и автономизации полей после возникновения класса специалистов, претендующих на монополию в отдельной сфере деятельности (религия, право, искусство, литература, философия, медицина, наука и так далее) (Sapiró, 2019).

Хотя наиболее институционализированные среди этих полей (религия, право, медицина) сохраняют себя через механизмы воспроизводства — включая семейное воспроизводство в медицине и праве (Charle, 1994) — и кооптацию, наименее регулируемые (литература и искусство) эволюционировали через символические революции начиная с эпохи романтизма и демонстрируя постоянный кризис воспроизводства. Однако ни один из этих процессов не является линейным, и хотя Бурдьё анализировал условия, при которых литературное и художественное поля во Франции стали автономными (Bourdieu, 1992), он также описал, как издательское поле потеряло свою автономию от экономического поля в процессе его рационализации и концентрации в крупные конгломераты (Bourdieu, 1999). Я сама изучала потерю автономии французским литературным полем во время немецкой оккупации (Sapiró, 2014). Несмотря на различную степень их институционализации, структурная гомология между полями (оппозиция между доминирующими и подчиненными, между автономией и гетерономией), а также отношения власти между ними (политическое поле, как правило, доминирует) способствуют их гармонизации в критические моменты.

Кризисы также ставят под сомнение дисциплинарные и географические границы полей. К примеру, географические границы поля могут расширяться, по крайней мере частично, от национальных границ к транснациональным или региональным (или наоборот), как показала Паскаль Касанова в отношении поля литературы и Йохан Хейлброн для поля социальных наук (Casanova, 1999; Neilbron, 2013; см. также для анализа этих механизмов: Sapiro, 2018a).

Политические кризисы под давлением: войны, оккупации, колониализм

В своих работах об Алжире Бурдье упоминает, что капитализм был навязан традиционному алжирскому обществу колониальным давлением, а не эндогенными процессами развития, что, в свою очередь, усугубило отчуждение населения. Эти изменения достигли апогея в принудительном переселении крестьян в лагеря, что привело к кризису традиционного сельского хозяйства (Bourdieu, Sayad, 1964). В то время Бурдье еще не сформулировал адекватный набор концептуальных инструментов, которые бы подошли для описания политических кризисов, возникающих под давлением в результате вмешательства экзогенных сил (война, оккупация, колониализм) или в результате государственных переворотов.

223

Я попытаюсь показать, что такие глубокие политические кризисы характеризуются борьбой за монополию на символическое насилие, что подразумевает производство легитимных идентичностей, и объединю эту идею с концептами *фазовой гармонизации* и политизации, которые Бурдье использовал для описания политического кризиса мая 68-го года и которые могут быть распространены на другие типы политических кризисов, например, на столкновения за монополию на символическое насилие и их перевод в различные поля (политическое, религиозное, юридическое, административное, интеллектуальное, академическое), которые влекут за собой их политизацию и синхронизацию.

Здесь я, ради краткости, оставляю в стороне анализ революционных конъюнктур, который потребовал бы длительного обсуждения социологической литературы (от структурного функционализма до символического интеракционизма и теорий конфликта) и литературы по политическим наукам, которая была широко изучена Мишелем Добри (Dobry, 1987), частично опирающимся на Бурдье для критики теорий мобилизации ресурсов и разработки теории многосекторных кризисов. Но можно сказать, что революционные ситуации скорее являются следствием глубоких кризисов воспроизводства, приводящих к политическому кризису (*критическому моменту*), во время которого широкая мобилизация оказывается

успешной (хотя она может быть спровоцирована экзогенными факторами, такими как война и оккупация, как в случае с Парижской коммуной; в своей книге о революциях Теда Скочпол (Skocpol, 1979) описывает такие внешние факторы).

Борьба за монополию на символическое насилие

Политические кризисы влекут за собой процесс синхронизации и политизации, подчиняя все поля, включая экономическое, политическому полю и его структурным разломам. Однако синхронизация не является ни механическим и автоматическим процессом, ни органическим (подобно заражению); она опосредована индивидами и институтами и разворачивается во времени, создавая тем самым основу для сравнительных социологических исследований. Она также требует «перевода» политической повестки в различные сферы или культурные контексты. Этот «перевод» выполняется активистами и политическими организациями через процесс политизации, который предполагает четкое разделение на лагерь.

224

Вынуждая организовать все убеждения по отношению к занимаемой в определенном поле позиции и только к ней, кризис стремится заменить *делением* на отчетливо различающиеся *лагеря* (согласно логике гражданской войны) непрерывное распределение между двумя полюсами, а также все многочисленные и частично противоречивые принадлежности, которые позволяет совмещать пространственная и временная разделенность¹ (Bourdieu, 1984, p. 235).

Другой характеристикой политических кризисов является неопределенность, возникающая из-за того, что обычные социальные механизмы перестают функционировать предсказуемо. Используя метафоры астрофизики, Добри говорит о текучих конъюнктурах (*fluid conjunctures*) (Dobry, 1987).

Такие конъюнктуры открывают пророческим дискурсам возможность быть высказанными в публичном пространстве, как утверждает Бурдьё, используя концептуализацию пророческой речи Макса Вебера (Bourdieu, 1977). Пророческие дискурсы обращаются к прошлому, чтобы предсказать будущее скорее в эмоциональном, чем научном ключе (Weber, 1995, p. 320–325). Эти дискурсы не рождаются в момент кризиса; они существуют всегда, но именно в такие периоды выходят на первый план из-за неопределенности и непредсказуемости ближайшего будущего с точки зрения традиционных

1 Цит. по: Бурдьё П. *Homo academicus...* С. 346. — Прим. пер.

аналитических схем, что способствует релятивизации традиционных интеллектуальных авторитетов. Как поясняет Бурдьё:

<...> конституирующая сила (религиозного и политического) языка и схем восприятия и мышления, которые он обеспечивает, никогда не бывает яснее, чем в ситуациях кризиса: эти парадоксальные и экстраординарные ситуации требуют экстраординарного вида дискурса, способного поднять практические принципы этики до уровня явных принципов, порождающих (квази)систематические ответы и выражающих все неслышанные и неопиcуемые характеристики ситуации, созданной кризисом (Bourdieu, 1991, p. 128-129).

Смесь неопределенности и политизации развивает восприимчивость к экстремальным дискурсам, жертвуя нюансированным анализом, и снимает цензуру в публичном пространстве. Даже если режим остается на месте, неопределенность вынуждает правительство разрабатывать нарративы — то, что Бурдьё называет «социодицеей» — чтобы объяснить нарушения привычного хода вещей и всплеск насилия в повседневной жизни. Самая распространенная социодицея, используемая для оправдания войн, — национализм. Андреас Виммер, основываясь на 484 случаях, показал, что национальное государство является формой правления, породившей наибольшее количество войн (Wimmer, 2013). Хотя он и не использует понятия Бурдьё, его размышления о роли этничности могут быть переосмыслены в терминах конкуренции за навязывание иерархии легитимных идентичностей. Он показывает, что этничность будет более политизирована и что этническое меньшинство сможет легче навязать свое правление в трех случаях:

225

1) в слабо централизованных государствах, обладающих ограниченной способностью распределять общественные блага, собирать налоги и контролировать политический процесс, как в Ираке Саддама Хусейна;

2) в государствах, где власть разделена между различными этническими элитами, как в Ливане;

3) в национальных государствах, которые ранее управлялись империей и имеют слабо институционализированные отношения с политическим центром (например, в случае осетинских или абхазских сепаратистских движений, возникших после включения этих регионов в состав Грузии).

Во всех этих случаях борьба за монополию на физическое насилие поддерживается этнической идентификацией и борьбой за легитимные идентичности (как в религиозных войнах, которые иногда частично смешиваются с этническими, как в Ливане).

Империалистические и колониальные войны трансформируют оккупированные или колонизированные общества по-разному:

сохраняя их обычаи или приводя к принудительной (религиозной, языковой, культурной и/или экономической) реконверсии или даже к физическому истреблению (как в случае с гереро). Некоторые из этих вариантов описываются Джорджем Стайнмецем в его исследовании немецкой колониальной политики, в котором он использует бурдьевистское понятие поля. Он утверждает, что режим угнетения зависит от конкуренции между различными группами внутри правящей элиты и от различий в антропологических определениях колонизированного населения: культурный обмен и взаимное признание среди интеллектуалов преобладали в Циндао; в Самоа колониальные экономические предприниматели стремились вовлечь коренные народы в капиталистическую экономику; в Намибии командир колониальных сил генерал Лотар фон Тротта приказал истребить гереро ((Steinmetz, 2008), см. также о гереро: (Mamdani, 2001)). Хотя Стайнмец и не говорит о конструировании легитимных идентичностей, антропологические определения прямо связаны с этим процессом, лежат в основе логики символического насилия и, как мы видим, определяют параметры использования физического насилия против колонизируемого населения.

226

В своем исследовании массового истребления в современную эпоху Абрам Де Сваан (De Swaan, 2015) выделяет два необходимых, но не достаточных условия для асимметричного массового насилия против невооруженного населения и терпимости граждан к геноцидальным (или, скорее, демоцидальным¹) режимам: с одной стороны, существование механизмов дезидентификации и дегуманизации «отверженной» части населения, совмещенное с сильной идентификацией с доминирующей группой; с другой стороны, пространственная сегрегация — компартментализация — целевой популяции (что применимо ко всем изученным им случаям, за исключением Руанды). Как и Стайнмец, Де Сваан не использует концепцию символического насилия Бурдьё, но ясно, что процесс дегуманизации (уже проанализированный Купером (Kuper, 1981)) является частью процесса конструирования легитимных идентичностей государством, которое легитимизирует физическое насилие против «чужаков» (*out-group*) в смысле Мертона (Merton, 1948).

1 Демоцид (англ. democide) — термин, введенный американским политологом Р. Дж. Руммелом в работе *Death by Government* (1994) для обозначения умышленного уничтожения правительством невооруженного гражданского населения. Включает геноцид (уничтожение групп по этническому/религиозному признаку, политцид (убийства по политическим мотивам), массовые репрессии вне рамок военных действий. Сапиро использует этот термин как более точную альтернативу «геноциду». — Прим. пер.

Коллаборация и сопротивление

Все эти формы колониализма, империализма, военной оккупации и авторитарных режимов предлагают населению выбор между коллаборацией и сопротивлением¹. Коллаборация подразумевает принятие идеологического нарратива колонизатора, оккупанта или авторитарного режима или прагматическую со-настройку с ним (структурная коллаборация). Сопротивление, напротив, требует альтернативного нарратива, оправдывающего борьбу, — обычно в националистических или религиозных терминах, но зачастую и в терминах универсальных ценностей и прав человека, таких как «самоопределение» и «свобода». Эта борьба направлена против произвола чистого принуждения, навязываемого завоевателем (который может обладать собственной универсалистской *социодицеей* — как в случае французской оккупации Германии после Революции, вызвавшей симпатии немецких интеллектуалов, которые видели в ней конституционный режим²). Борьба переводится во все социальные поля, начиная с юридического поля, которое вместе со СМИ и образованием имеет ключевое значение в борьбе за монополию на символическое насилие. Недавние исследования, использовавшие бурдьевистскую теорию юридической власти, показали, что талибы в Афганистане выиграли не только за счет боевых действий, но и за счет восстановления традиционной шариатской правовой системы и опоры на бюрократию судей, обученных в религиозных школах в Пакистане (но при этом не автономных от правительства талибов), в то время как афганская правовая система была коррумпирована элитами и разрушена западными оккупационными силами (Baczko, 2021).

227

Эти кризисные конфигурации часто подразумевают изменение состава элит — увольнение государственных служащих и профессоров, запреты, наложенные на активистов и интеллектуалов, выступающих против новых лидеров — и их замену фракциями элит, выражающих лояльность новой власти. Новая власть создает

- 1 В таких кризисных ситуациях возможности «выхода» (Heilbron, 2013) ограничены изгнанием или молчанием — для тех, кто может себе это позволить (как в случае Роже Мартена дю Гара во время оккупации Франции). Те, кто не может себе это позволить, в таких ситуациях вынуждены прятаться. Как известно, понятие «внутренней эмиграции», использованное новеллистом Франком Тьессом в ответ на аргумент Томаса Манна о немецкой коллективной вине за военные преступления нацистов, амбивалентно (колеблется между сопротивлением и структурной коллаборацией) и противоречиво.
- 2 Под «французской оккупацией Германии после Революции» имеется в виду период конца XVIII — начала XIX века, когда после Великой французской революции и в ходе Наполеоновских войн французские войска заняли ряд германских территорий, прежде всего на левом берегу Рейна. — *Прим. пер.*

систему вознаграждения для тех, кто присягает новой идеологии, одновременно проводя репрессии в адрес своих противников и внедряя системы контроля и цензуры дискурсов публичного пространства, что сокращает возможности для распространения нарративов, которые могли бы выступить альтернативой доминирующей идеологии, и, таким образом, способствует нормализации символического насилия (Kagabel, 1996). Парадигматический пример продвижения в качестве награды за идеологическую службу — случай немецкого социолога Рихарда Турнвальда, который, не сумев получить должность в Соединенных Штатах, стал теоретиком нацистской империи, внося вклад в ее «социодицею». Эта личная эволюция объясняется его стратегией в академическом поле: она привела Турнвальда от автономии к гетерономии (Steinmetz, 2010).

Автономия и гетерономия: пример литературного поля во время Второй мировой войны

228

В предыдущих исследованиях я изучала воздействие политического кризиса, связанного с поражением и немецкой оккупацией Франции во время Второй мировой войны, на французское литературное поле (Sapiro, 2013, 2014). Опыт оккупации был переведен в кризис национальной идентичности, который заставил французов выбирать между коллаборацией и сопротивлением, хотя я и показала, что существовали другие варианты. Потеря автономии (реализованная благодаря идеологическому контролю французской литературы, цензуры, репрессий и наград) в сочетании с синхронизацией и гармонизацией литературного поля с полем политическим заставляла писателей определять себя через отношение к кризисной ситуации, и таким образом политизировала все литературные вопросы, порождая эффекты, характерные для кризисных ситуаций.

Во-первых, кризис открыл поле для маргинальных агентов, активистов и партийных бюрократов, которые не обладали значимым специфическим для поля капиталом, но имели политический капитал, что дало им шанс выйти на передний план в условиях политизации; их можно было обнаружить на наиболее политизированных полюсах литературного поля, в частности, среди сторонников коллаборационизма, но также и в интеллектуальном сопротивлении (к примеру, среди некоторых коммунистов).

Во-вторых, что типично для ситуаций кризиса, «снятие табу», которые в обычной ситуации регулируют публичные дебаты, «дало повод открыто заявить о социальных притязаниях и даже импульсах, плохо скрываемых за видимостью политической универсали-

зации»¹ (Bourdieu, 1984, p. 299). Оккупация открыла дверь не только явно гетерономному дискурсу, который сводил литературное суждение к политическим, социальным, моральным и расовым критериям, но также и памфлетному стилю, оскорблениям, нападениям *ad hominem* и *стигматизирующим дискурсами*, «фреймирующим» группу «чужаков» (например, «евреев») и таким образом усиливающим процесс дегуманизации.

Несмотря на явно политический характер этих атак, бывших частью борьбы за монополию на символическое насилие, *перевод* политических вопросов при их попадании в литературное поле осуществлялся в манере, специфичной для поля литературы, таким образом подтверждая устойчивость его относительно автономных логик. Более того, коллаборационисты полагались на внешние силы для решения литературных разногласий и изменения внутренних для поля отношений власти: стратегия, явно отражающая гетерономную логику. Идеально-типический пример этой логики — попытка двух фашистских писателей, Роберта Бразийяка и Люсьена Ребате, добиться запрета романа «Фарисейка» католического писателя Франсуа Мориака, несмотря на то что он был разрешен немецкими оккупационными властями, а затем — их меры по бойкоту книги и организация ими пресс-кампании против автора. Несмотря на то что этот «перевод» был облегчен слабой институционализацией литературного поля и его предыдущей политизацией (начиная с «дела Дрейфуса» и до 1930-х годов (Charle, 1979; Sapiró 2018a)), этот процесс можно наблюдать — хотя и в более эвфемизированной манере — и в более институционализированных полях, таких как юридическое, о чем свидетельствует тот факт, что некоторые юристы и судьи присоединились к Сопротивлению (Israël, 2005)).

229

Такое нарушение правил автономии, направленное на изменение внутренних отношений власти, позволяет объяснить третий эффект, типичный для *фазовой гармонизации* литературного и политического поля, — реструктуризацию первого вокруг принципов, гомологичных тем, которые организуют последнее, что можно наблюдать и в других полях (интеллектуальном, академическом, правовом, художественном, музыкальном²) в тот же период, либо в литературных полях, существующих в рамках коммунистических политических режимов (Dragomir, 2007).

На момент иностранной оккупации литературное поле было разделено на различные политические лагеря и потому не смогло про-

1 Перевод по: Бурдьё П. *Homo academicus...* С. 337. — Прим. пер.

2 Без помощи теории полей историки наблюдают схожие деления в музыкальной и художественной средах (Bertrand Dorléac, 1993; Le Bail, 2016).

демонстрировать свою солидарность. Вскоре столкновения в этом поле приняли радикальные формы и проникли почти во все литературные институты; едва различимые во Французской академии с царящим в ней *esprit de corps*, они вызвали шумные расколы в академии Гонкура. Литературные институты были обязаны предоставить режиму Виши и оккупационным силам более или менее устойчивые гарантии своей лояльности в зависимости от их возраста, юридического статуса, престижа и собственных символических ставок; пока Французская академия, старейший официальный орган (*corps constitué*) французского государства, нуждалась лишь в своей собственной институциональной инерции — или *конатусе*, используя термин Спинозы, который вдохновил Бурдье ввести понятие инерции — чтобы продолжать «быть», Гонкуровская академия, «некоммерческая организация, служащая общественным интересам», основанная в 1904 году, была обязана символической властью медийному резонансу своей ежегодной награды, а значит, должна была адаптироваться к доминирующей идеологии, чтобы продолжать «существовать» (в 1941 году награда была присуждена Анри Пурра, чьи труды воплощали идеологию «возврата к земле»¹ режима Виши).

230

Кризис по-разному повлиял на отдельных людей и институты в зависимости от их социального положения; наиболее уязвимые — евреи, иностранцы, коммунисты — те, кто был стигматизирован в соответствии с иерархией легитимных идентичностей или фреймирован как террорист в случае последних, оказались в составе самых уязвимых групп и были вынуждены замолкнуть или уйти в подполье, а многие из них были обречены на смерть, как писательница Ирен Немировски, еврейская иммигрантка из России, чья жизнь закончилась в 1942 году в Аушвице. Стигматизирующие дискурсы коллаборационистов и сторонников режима Виши помогли оправдать эти процедуры исключения и физическое насилие, включая случаи пыток и смерти. Например, лидер монархической лиги «Action française» Шарль Моррас, который был одним из советников маршала Петена, регулярно призывал в своей газете к немед-

1 Мифологема «возврата к земле» (*retour à la terre*) описывала традиционный крестьянский уклад как воплощение «подлинно французских» ценностей в вишистской Франции при переходе государственной политики от республиканской триады-лозунга *Liberté, égalité, fraternité* к идеологии Национальной революции «Труд, Семья, Отечество» (*Travail, Famille, Patrie*). Эта концепция противопоставляла «здоровую» и «чистую» сельскую Францию «испорченному» и «чуждому» городу, ассоциировалась с патриархальной семьей, трудолюбием и моральной чистотой. Легко заметить, что разделения, которые создает эта идеологема, схватываются понятием аксиологических операторов Сапиро, которое та вводит ниже. — Прим. пер.

ленному расстрелу без суда голлистов и коммунистов-участников Сопротивления, боровшихся с оккупационными силами, — те были стигматизированы как «предатели» и «террористы» — а также к убийству заложников из их семей (Sapiro, 2020).

Несмотря на потерю автономии и *фазовую гармонизацию* с политическим полем, логика, согласно которой было реструктурировано литературное поле, имеет прямое отношение к его структурной истории. Как и в случае с университетскими факультетами в мае 1968 года (Bourdieu, 1984), выбор писателями политических предпочтений в значительной степени объясняется позициями, которые они занимали в литературном поле и его внутренней борьбе еще до поражения Франции. Следовательно, кризис также имеет разоблачающий эффект: он раскрывает структуру поля в том виде, в каком она существовала на момент возникновения кризиса. Подчинение экономического поля политическому полю подчеркивает склонность писателей, расположенных на полюсе массового производства, жертвовать правилом автономии искусства ради гетерономных логик — экономических, политических, медийных — и солидаризовываться с фракциями, обладающими, по Бурдьё, «временной властью» для защиты и восстановления социального порядка (так же как доминирующий полюс французского литературного поля защищал «национальные интересы» (*raison d'État*) во время «дела Дрейфуса»¹ (Charle, 1979)). Напротив, когда автономия литературного поля оказывается под угрозой, полюс мелкомасштабного производства раскрывает свой субверсивный потенциал.

231

Эта оппозиция уточняется на нескольких уровнях (особенно внутри институтов) и воплощается в борьбе, в которой сталкиваются различные концепции литературы и социальной роли писателя. Эти столкновения, раскрывающие сложное переплетение этических, эстетических и политических диспозиций, а также динамику коллективного назначения позиций (аннексия, стигматизация, маркировка, призывы к порядку), отсылают к структурной истории поля, как в случае «спора о дурных учителях», в ходе которого известных писателей и общественных интеллектуалов обвиняли в военном поражении Франции.

1 Как показал Кристоф Шарль (Charle, 1979), политический кризис, спровоцированный «делом Дрейфуса», политизировал и разделил литературное поле по линиям, которые могут быть наложены на структуру поля, обнажив оппозицию доминирующего полюса, олицетворяемого Французской академией, и угнетенным полюсом, представленным символистским авангардом. Группа писателей-натуралистов, занимавшая промежуточную позицию, следовательно, оказалась расколота. Интересно заметить, что литературное поле в то время столкнулось с кризисом, которым была охвачена книжная индустрия, что, вероятно, и послужило причиной внутреннего раскола поля.

Хотя кризис имеет разоблачающий эффект, он также имеет трансформативные эффекты и специфическую динамику. Одним из эффектов кризиса во время оккупации было ужесточение борьбы, структурирующей поле по оси автономии и гетерономии. В то время как в обычные времена *авангардисты* склонны бороться с теми, кто занимает доминирующее положение на автономном полюсе поля (группа, которую я называю *эстетам*), этот кризис поспособствовал межпоколенческому альянсу между одними и другими. Гетерономные условия производства, нарушение норм литературных дискуссий коллаборационистскими интеллектуалами и их обращение к вне-литературным силам для регулирования внутренних отношений власти способствовали объединению писателей оппозиции в борьбе за восстановление литературной автономии, которая слилась с идеологической борьбой против нацистских оккупантов и режима Виши.

Символическое объединение литературного поля, которое после поражения Франции было разделено на две зоны («свободную» и оккупированную), и «изгнанников», в первую очередь осуществлялось с помощью обхода цензуры через зашифрованный язык — «литературную контрабанду» — своего рода устройство, предполагавшее, что, к примеру, можно говорить о настоящем, используя события национального прошлого в качестве аллегории. Этот прием оказался быстро расшифрован посвященными агентами из противоположного лагеря и стал слишком рискованным уже к 1942 году, когда меры контроля над печатью ужесточились. В это же время началась подпольная литературная деятельность.

Она развивалась благодаря маловероятному альянсу, ставшему возможным в условиях кризиса. Это был союз писателей, находившихся на автономном полюсе литературного поля, но лишенных своих обычных каналов публикации, и подпольной Коммунистической партии, предложившей им материальные средства. Этот альянс связан с другим явлением, типичным для кризисных ситуаций, а именно с центральной ролью, которую политические аппараты играют в мобилизации оппозиции (Bourdieu, 1984, p. 247–248). Из-за общности литературных симпатий, разделяемых как коммунистами, так и некоммунистами, этот союз первоначально формировался людьми, принадлежащими обеим группам, — такими как поэты Арагон и Поль Элюар (который вступил во Французскую коммунистическую партию в 1942 году). Благодаря своему престижу они привлекли молодых «претендентов» или, если использовать словарь теории поля, «дебютантов». Подпольная вербовка в так называемой свободной южной зоне опиралась на литературные сети, которые после поражения Франции Арагон создал вокруг малых литературных журналов, где он разработал другое устройство — «поэтическую контрабанду».

Из этого альянса родилась новая организация: Национальный комитет писателей (CNE, или Comité National des Écrivains). Появление этой группировки — специфический эффект кризиса. Это плод, с одной стороны, неспособности традиционных институтов — Французской и Гонкуровской академий — защитить автономию литературного поля перед лицом предприятий по кооптации и присвоению их символического капитала; с другой стороны, это следствие возникновения пространства для маневра в реализации индивидуальных инициатив внутри политических организаций — в данном случае Коммунистической партии — характерного для *критических моментов*. Одновременно литературный и политический характер CNE делает ее типичной для *критического момента* организацией. Это также позволяет продемонстрировать, что в кризисных конъюнктурах в условиях потери автономии борьба за восстановление границ полей порождает новые формы зависимости от внелитературных (политических) сил — в данном случае подпольной Коммунистической партии — и, следовательно, новую угрозу гетерономии, что подтвердится в конечном итоге в послевоенный период.

Заключение: Роль аксиологических операторов в кризисах

233

Я описала два вида кризисов: кризисы воспроизводства, связанные со структурными трансформациями, происходящими в *longue durée* или в среднесрочной перспективе, и политические кризисы, вызванные переворотом или экзогенными факторами, такими как война, военная оккупация или колониализм, с последующим стремительным разрушением социального порядка. Оба вида могут быть проанализированы с помощью объяснительной рамки и эвристических инструментов, которые содержит теория Бурдьё.

В первом случае кризис возникает благодаря несоответствию между габитусом и социальной структурой и эффекта гистерезиса, из-за которого адаптация к новым условиям становится в разной степени сложной для разных социальных групп. Гистерезис может привести последние к различным видам стратегий, которые могут быть условно разделены на три идеальных типа:

- 1) фаталистическое принятие нового порядка и собственного *деклассирования*;
- 2) адаптация и *реклассирование* (*réclassement*), которые могут включать реконверсию;
- 3) коллективный отпор через политическую мобилизацию, которая может спровоцировать политический кризис, как в мае 1968-го (забастовки, восстания, бунты и даже революции).

Во втором случае внезапное изменение в структуре управления вызывает *политизацию* и *фазовую гармонизацию* социальных полей, продвигая группы, выражающие верность новым правящим силам, и исключая из общественного обсуждения оппонентов и стигматизированные группы (например, евреев в оккупированной Франции). Это гетерономное нарушение отношений власти внутри полей транслируется в форме, специфичной для каждого конкретного поля, как я показала на примере французского литературного поля во время немецкой оккупации. Обычно оно порождает сопротивление внутри автономных фракций, которое может принимать более или менее явно политизированную форму, влекущую за собой более или менее жестокие репрессии; многие из 2000 турецких академиков, подписавших петицию за мир, например, были осуждены за пропаганду терроризма, и некоторые из них были уволены с работы¹. Использование «законных» процедур и инструментов, адаптированных к политическим целям, выявляет как символическую власть закона, так и его произвольность (Bourdieu, 1986) и типично для новых правящих сил, нуждающихся в установлении господства не только через монополию на физическое насилие, но и через монополию на символическое насилие, способное «легитимировать» первое.

234

Борьба за монополию на символическое насилие проявляется в перепроизводстве нарративов и пророчеств, типичном для кризисных конъюнктур — не только политических, но и экономических или культурных². Оно является следствием неопределенности будущего и попыткой установить или оспорить легитимность новой власти как таковой. В ходе борьбы в поле идеологического производства возникает вопрос о легитимном представлении и интерпретации кризиса; это заставляет агентов предлагать объяснительные рамки и денонсировать причины кризиса, при этом указывая на индивидов или группы, которым вменяется ответственность за возникновение кризиса, как в «споре о плохих учителях» в оккупированной Франции.

Кризисы воспроизводства также связаны с изменением отношений власти, сопровождающимся появлением нарративов и проро-

1 В январе 2016 года 1128 турецких и зарубежных ученых подписали петицию «Мы не будем соучастниками этого преступления» (*Bu Suça Ortak Olmayacağıız*), осуждающую военные операции правительства в курдских регионах на юго-востоке Турции и призывающую к возобновлению мирного процесса. Документ, позже поддержанный более чем 2000 академиками, стал катализатором масштабных репрессий: власти обвинили подписантов в «террористической пропаганде», инициировали уголовные преследования, увольнения и дисциплинарные проверки. — *Прим. пер.*

2 Я предложила анализ того, как определяется культурный кризис, на конференции «Crises and cultures: the study of culture facing the challenges of a changing world» в Университете Софии 19 и 20 октября 2021 года.

честв, осуществляющих символическое насилие через оправдание маргинализации униженных групп, хотя более длительная временная рамка и отсутствие физического насилия делают эту борьбу за доминирующее видение мира менее концентрированной, менее гармонизированной в социальных полях и менее политизированной. Эти долгосрочные трансформации могут привести к фатализму «проигравших» и к индивидуальным или локальным формам сопротивления через инерцию и стратегии адаптации. Впрочем, в определенных конъюнктурах, как в случае мая 1968-го, кризис воспроизводства может обернуться политизированным восстановлением благодаря участию политических организаций, и перевернуть иерархию легитимных идентичностей, меняя позиции ранее подавленных групп (рабочие, женщины, колонизированные или коренные народы; см., например: (Postero, 2017; Poupeau, 2022)).

Для более детального изучения идеологической борьбы за легитимную интерпретацию кризиса и, в более общем виде, конкуренции за навязывание или оспаривание доминирующей картины мира, я предложила понятие *аксиологических операторов* (Sapiro, 2021). Я называю *аксиологическими операторами* понятия или выражения, такие как «прогресс», «модернизация», «свобода» и «права человека» или, наоборот, «традиция», «корни», «социальный порядок» и «цивилизация», которые описывают системы культурных оппозиций и одновременно указывают их значение и позицию в иерархии ценностей через пространственные указатели — в данном случае высокое и низкое — с моральной коннотацией достойного (*digne*) и недостойного (*indigne*). Эти понятия не функционируют как *аксиологические операторы* сами по себе; им придается конкретное значение в той идеологической рамке и в той социальной конфигурации, в которой они становятся ключевыми понятиями тех идеологий и связанных с ними нарративов, для которых они служат синекдохой. Они также эвфемизируют и легитимизируют формы насилия, совершаемые от их имени: таким образом, они играют ключевую роль в «социодидее», как в случае понятия «цивилизации», использовавшегося для оправдания французского колониализма. Социальная эффективность таких операторов происходит из их способности символически объединять системы классификации или гетерогенные типы иерархий в общем порядке ценностей и институтов. Такие общие принципы играют решающую роль в конструировании «причин» действий как универсальных, обороняя их от разоблачений как попыток защиты частных интересов группы (как это иллюстрируется в случае упреков в корпоративизме).

Следовательно, *аксиологические операторы* играют важную роль в символической борьбе, особенно в периоды социальных трансформаций, но они также являются постоянным объектом борьбы в «нормальные» времена: в таком случае борьба ведется за их определение и присвоение

внутри поля идеологического производства. Ситуации кризиса, или *критические моменты*, делают эту символическую борьбу более интенсивной, фокусированной, помещают в условия, в которых яснее проявляется ее идеологичность, способствуя распространению и переводу этих *аксиологических операторов* в разные поля, приводя к их *гармонизации* и *политизации*. В свою очередь, противники изменения властных отношений используют *аксиологические операторы*, чтобы противостоять нарративу, навязанному победителями; например, в оккупированной Франции, пока режим Виши и его идеологи квалифицировали членов Сопротивления как «предателей» и «террористов», таким образом оправдывая их убийство, Сопротивление представляло их как национальных героев, пожертвовавших своими жизнями для борьбы с оккупационными силами, и подпольная литература играла важную роль в этой символической борьбе (Sapiro, 2018b). Идеологическая борьба за фрейминг (в смысле Гофмана) кризиса использовала общий *аксиологический оператор* «национальный интерес», связывая его с другими *аксиологическими операторами*: «социальным порядком» и «авторитетом» со стороны режима Виши; «свободой» и «независимостью» со стороны *Сопротивления*. После войны коллаборационисты и сторонники будут описаны как «предатели» и подвергнуты судебному преследованию за преступление «разведки в пользу врага» (*intelligence avec l'ennemi*). Это лишь некоторые примеры. В каждой социокультурной и политической конфигурации релевантные *аксиологические операторы* — обычно в качестве таковых функционируют лишь несколько слов или понятий — должны быть определены, и должна быть исследована их идеологическая работа, особенно в вопросах интерпретации кризисов.

В фокусе этой статьи — кризисы воспроизводства и политические кризисы, которые объединяет с экономическими и культурными кризисами идеологическая борьба за установление доминирующей картины мира и интенсивное использование *аксиологических операторов* для легитимизации или оспаривания нового социального порядка и его символических иерархий. Понятие *аксиологических операторов* может оказаться полезным в рамках исследовательской программы Бурдьё: оно поможет описать борьбу за монополию на символическое насилие, достигающую своего пика в кризисных конъюнктурах и играющую свою роль в *гармонизации* и *политизации* социальных полей.

Список источников / References

- Baczko A. (2021) *La Guerre par le droit, Les tribunaux Taliban en Afghanistan*. Paris: CNRS Éditions.
- Bertrand Dorléac L. (1993) *L'Art de la défaite, 1940–1944*. Paris: Éditions du Seuil.

- Bourdieu P. (1977) *Algérie 60. Structures économiques et structures temporelles*. Paris: Éditions de Minuit.
- Bourdieu P. (1971) Une interprétation de la théorie de la religion selon Max Weber. *Archives européennes de sociologie*, 12(1), pp. 3-21. <https://doi.org/10.1017/S0003975600002174>
- Bourdieu P. (1984) *Homo academicus*. Paris: Éditions de Minuit.
- Bourdieu P. (1986) La force du droit. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 64, pp. 3-19. <https://doi.org/10.3406/arss.1986.2332>
- Bourdieu P. (1988) *Homo academicus*. Stanford, CA: Stanford University Press (or. ed. 1984).
- Bourdieu P. (1989) *La Noblesse d'État. Grandes écoles et esprit de corps*. Paris: Éditions de Minuit.
- Bourdieu P. (1991) *Language and Symbolic Power*. Edited by J. B. Thompson. Cambridge: Polity Press.
- Bourdieu P. (1992) *Les Règles de l'art. Genèse et structure du champ littéraire*. Paris: Éditions du Seuil.
- Bourdieu P. (1994) Stratégies de reproduction et modes de domination. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 105, pp. 3-12. <https://doi.org/10.3406/arss.1994.3118>
- Bourdieu P. (1999) Une révolution conservatrice dans l'édition. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 126-127, pp. 3-28. <https://doi.org/10.3406/arss.1999.3278>
- Bourdieu P. (2000a) *Propos sur le champ politique*. Lyon: Presses universitaires de Lyon.
- Bourdieu P. (2000b) *Les Structures sociales de l'économie*. Paris: Éditions du Seuil.
- Bourdieu P. (2002) *Le Bal des célibataires. Crise de la société paysanne en Béarn*. Paris: Éditions du Seuil («Points»).
- Bourdieu P. (2012) *Sur l'État*. Cours au Collège de France, 1989-1992. Paris: Raisons d'agir/Éditions du Seuil.
- Bourdieu P. (2013) *Manet. Une révolution symbolique*. Cours au Collège de France, 1998-2000, suivis d'un manuscrit inachevé de Pierre et Marie-Claire Bourdieu. Paris: Raisons d'agir/Éditions du Seuil.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (1971) *La Reproduction*. Paris: Éditions de Minuit.
- Bourdieu P., Sayad A. (1964) *Le Déracinement*. La crise de l'agriculture traditionnelle en Algérie. Paris: Éditions de Minuit.
- Casanova P. (1999) *La République mondiale des lettres*. Paris: Éditions du Seuil.
- Charle C. (1979) *La crise littéraire à l'époque du naturalisme: roman, théâtre et politique*. Essai d'histoire sociale des groupes et des genres littéraires. Paris: Presses de l'École normale supérieure.
- Charle C. (1994) *La République des universitaires (1870-1940)*. Paris: Éditions du Seuil.
- De Swaan A. (2015) *The Killing Compartments: The Mentality of Mass Murder*. New Haven: Yale Univ. Press.
- Dobry M. (1987) *Sociologie des crises politiques*. La dynamique des mobilisations multisectorielles. Paris: Presses de Sciences Po (2009 reprint).

Dragomir L. (2007) *L'Union des écrivains*. Une institution littéraire transnationale à l'Est : l'exemple roumain. Paris: Éditions Belin.

Gilcher-Holtey I. (2008) *Die 68er Bewegung*. Deutschland — Westeuropa — USA. München: C. H. Beck.

Gilcher-Holtey I. (2021) Le moment critique. *Revue française d'éthique appliquée*, 11(1), pp. 61–77. <https://doi.org/10.3917/rfeap.011.0061>

Gorski P. S. (2013) *Bourdieu and Historical Analysis*. Durham, NC: Duke Univ. Press. <https://doi.org/10.1215/9780822395430>

Heilbron J. (2013) The social sciences as an emerging global field. *Current Sociology*, 62(5), pp. 685–703. <https://doi.org/10.1177/0011392113499739>

Hirschmann A. (1970) *Exit, Voice and Loyalty*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

Israël L. (2005) *Robes noires, années sombres*. Avocats et magistrats en Résistance pendant la Seconde Guerre mondiale. Paris: Éditions Fayard. <https://shs.cairn.info/revue-Annales-2008-5-page-XXIX?lang=fr>

Karabel J. (1996) Towards a theory of intellectuals and politics. *Theory and Society*, 25, pp. 205–223. <https://doi.org/10.1007/bf00161141>

Kuper L. (1981) *Genocide: Its Political Use in the 20th Century*. New Haven: Yale Univ. Press. <https://shs.hal.science/halshs-02193536v1>

238 Le Bail K. (2016) *La Musique au pas*. Être musicien sous l'Occupation. Paris: CNRS Éditions.

Mamdani M. (2001) A Brief History of Genocide. *Transition*, 87, 26–47. <https://muse.jhu.edu/article/35092>

Medvetz T., Sallaz J., eds. (2018) *The Oxford Handbook of Pierre Bourdieu*. Oxford: Oxford Univ. Press. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199357192.001.0001>

Merton R. K. (1948) The Self-Fulfilling Prophecy. *The Antioch Review*, 8(2), pp. 193–210. <http://dx.doi.org/10.2307/4609267>

Postero N. (2017) *The Indigenous State: Race, Politics, and Performance in Plurinational Bolivia*. Oakland: Univ. of California Press.

Poupeau F. (2022) *Altiplano*. Fragments d'une révolution (Bolivie, 1999–2019). Paris: Raisons d'agir.

Rosier B. (2003) *Les Théories des crises économiques*. Paris: Éditions La Découverte.

Sapiro G. (2013) Structural History and Crisis Analysis: The Literary Field in France during the Second World War. In: Gorski P., ed. *Bourdieu and Historical Analysis*. Durham: Duke Univ. Press, pp. 266–285. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1168cx9.15>

Sapiro G. (2014) *The French Writers' War (1940–1953)*. Durham: Duke Univ. Press (or. ed. 1999).

Sapiro G. (2018a) *Field Theory from a Transnational Perspective*. In: Medvetz T., Sallaz J., eds. *The Oxford Handbook of Pierre Bourdieu*. Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 161–182.

Sapiro G. (2018b) *Les Écrivains et la politique en France. De l'affaire Dreyfus à la Guerre d'Algérie*. Paris: Éditions du Seuil.

Sapiro G. (2019) *Rethinking the Concept of Autonomy for the Sociology of Symbolic Goods*. Biens Symboliques / Symbolic Goods (Online), 4.

Sapiro G. (2020) *Des mots qui tuent*. La responsabilité de l'intellectuel en temps de crise

(1944–1945). Paris: Éditions du Seuil («Points»).

Sapiro G. (2021) *Against Self-interest: The codification of «disinterestedness» as an axiological operator in religion, aesthetics, and the ethics of intellectual professions*. In: Zabel C., ed. *Historicizing Self-Interest in the Modern Atlantic World. A Plea for Ego?* London: Routledge, pp. 241–260.

Skocpol T. (1979) *States and Social Revolutions a Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Steinmetz G. (2008) The Colonial State as a Social Field: Ethnographic Capital and Native Policy in the German Overseas Empire before 1914. *American Sociological Review*, 73(4), pp. 589–612. <https://doi.org/10.1177/000312240807300404>

Steinmetz G. (2010) La sociologie et l'empire: Richard Thurnwald et la question de l'autonomie scientifique. *Actes de la recherche en sciences sociales*, 185, pp. 12–29. <https://doi.org/10.3917/arss.185.0012>

Weber M. (1995) *Économie et société*. Tome 1, Les catégories de la sociologie. Paris: Pocket («Agora») (or. ed. 1922).

Wimmer A. (2013) *Waves of War: Nationalism, State Formation, and Ethnic Exclusion in the Modern World*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Zabel C., ed. (2021) *Historicizing Self-Interest in the Modern Atlantic World. A Plea for Ego?* London: Routledge.

Zolberg A. (1985) *L'influence des facteurs «externes» sur l'ordre politique*. In: *Traité de science politique*. Tome 1. La science politique, science sociale. L'ordre politique. Paris: Presses universitaires de France, pp. 567–598.

239

Об авторе / About the author

Сапиро Жизель — PhD, Высшая школа социальных наук; Национальный центр научных исследований (Европейский центр социологии и политических наук), Париж, Франция.

<https://orcid.org/0000-0003-2791-186x>

Gisèle Sapiro — PhD, École des Hautes Études en Sciences Sociales; Centre National de la Recherche Scientifique (Centre Européen de sociologie et de science politique), Paris, France.

<https://orcid.org/0000-0003-2791-186x>

О переводчике / About the translator

Перевод с английского Степана Козлова